

ДИСКУССИЯ

**ПСИХОЛОГИЯ КОРРУПЦИИ КАК НОВОЕ ПЕРСПЕКТИВНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ***

©2019 г. В.Б. Рябов*

*Кандидат технических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп.1; e-mail: v.gyabov@aog.ru

Поступила в редакцию 23 января 2019 г.

Аннотация. Обсуждается статья Д.А. Китовой «Представления личности о социальных проявлениях коррупции», представленная в виде доклада на семинаре ИП РАН «Актуальные направления психологических исследований» 21 января 2019 г. Отмечается, что автор статьи анализирует психологический механизм двойственного отношения граждан России к коррупции, которое заключается в том, что, несмотря на негативное отношение человека к коррупции как социальному явлению, основная масса населения продолжает включаться в коррупционные взаимоотношения. В основе исследования лежит анализ представлений различных групп населения о коррупции. Эмпирическая часть работы проводилась в три этапа. На первом изучались факторы психологической готовности старшеклассников к экономической самореализации, на втором проведены пилотажные исследования представлений о коррупции среди студентов московских вузов, и на третьем были изучены структуры концепций экономической жизнедеятельности взрослой части населения. В статье критически проанализированы методические подходы к организации и проведению реализованных исследований, предлагаются рекомендации по их улучшению и развитию. В статье дается критика авторского вывода, что двойственное отношение населения к коррупции определяется тем, что люди не придают значения тому, что коррупция несет вред государству. Предлагается в качестве концептуального основания дальнейшей работы использовать такие концепты, как сила организационной культуры, психологический контракт и субъективное качество межличностного делового взаимодействия.

* Работа выполнена по Госзаданию № 0159-2018-0007.

Ключевые слова: коррупция, представления о коррупции, экономическое благополучие, сила культуры, психологический контракт, субъективное качество взаимодействия.

Проблема коррупции называется в числе основных экономических и социальных проблем как в нашей стране, так и за рубежом (Китова, 2016а, 2016б, 2016в; Климовицкий, Каропова, 2016; Проблемы социальных..., 2018; Соснин и др., 2017; Социально-психологические исследования..., 2017; Юревич, Журавлев, 2014). В этой связи постановка проблемы и задачи изучения этого социального явления должны, на наш взгляд, быть ориентированы на возможность конструктивного подхода к борьбе с ним, который может вытекать из эмпирических результатов проведенного исследования.

Цель исследования Д.А. Китовой «Представления личности о социальных проявлениях коррупции» сформулирована как определение психологического механизма, который обуславливает двойственное (противоречивое) отношение человека к коррупции. Такая двойственность заключается в том, что, *несмотря на негативное отношение человека к коррупции как социальному явлению, основная масса населения продолжает включаться в коррупционные взаимоотношения.* Эту постановку проблемы необходимо оценить как перспективную, поскольку в случае выбора правильной концепции исследования она может дать как фундаментальные, так и прикладные результаты.

Основной гипотезой обсуждаемого исследования выступило предположение, что *структурные и содержательные аспекты представлений личности о коррупции формируются на уровне обыденного взаимодействия и не отражают макропсихологических угроз благополучию общества.* Иными словами, двойственность отношения к коррупции определяется тем, что граждане не видят в коррупции угроз социальному благу. Отсюда, видимо,

должно следовать, что решить эту проблему можно, объяснив гражданам этот вред. Однако, подобное предположение вызывает сомнения, так как, вероятнее всего, если граждане точно не могут сформулировать эти угрозы, то они не могут не догадываться об их существовании. В связи с этим, гипотеза исследования при всей корректности ее формулировки не отражает до конца видение самого автора на подобную социальную неграмотность. Нельзя исключать, что дальнейшая работа в осмыслении данного противоречия может внести свой вклад в понимание природы коррупционного поведения.

Объектом исследования выступили *представления личности о различных сферах жизнедеятельности общества как психологический феномен – сложное, многоуровневое психическое образование.*

Предметом исследования являлись *представления личности о социальных проявлениях коррупции.* Необходимо отметить, что формулировка объекта исследования дана в слишком общей, неконкретизированной форме, в то время как предмет исследования сформулирован вполне корректно. Если учесть, что предмет исследования – это конкретизация объекта, то такое соотношение можно сформулировать следующим образом. В качестве объекта исследования можно предложить использовать *образ коррупции в социальной картине мира граждан России* или, если проще, как *социальный образ коррупции в России.* В таком случае, предмет исследования – представления личности о социальных проявлениях коррупции адекватно соотносится с объектом.

Обращает на себя внимание раздел *«Теоретическая новизна и значимость работы»*, в котором заявлены следующие пункты:

- расширение структуры и содержания представлений о коррупции;
- выявление ранее неизвестных механизмов зарождения противоречивого отношения населения к коррупции;

- анализ психологических характеристик представлений о коррупции различных возрастных групп.

Однако, для реализации подобного теоретического вклада автору еще предстоит ответить на ряд вопросов. Так, если расширение структуры и содержания представлений удалось реализовать на данном этапе работы, то как о механизмах противоречивого отношения к коррупции, так и о содержательном анализе характеристик представлений в разных возрастных группах, а не только студенческих, что только и представлено, предстоит говорить в будущем. На данный момент работа заявлена и может служить ориентиром для следующих исследовательских шагов.

Если же обратиться к методической части работы, то необходимо заметить, что, хотя в общем литературном обзоре рассматриваются именно психологические исследования коррупции, в разделе «Эмпирические методы исследования и измерения коррупции», речь идет исключительно о социологических методах измерения, соответствующих *индексам, индикаторам*, и ничего не говорится о *психологических методах*. Этот раздел, на наш взгляд, необходимо дополнить информацией о *психологических характеристиках и показателях*, используемых в психологических исследованиях коррупции, в том числе, в упомянутых самим автором психологических исследованиях коррупции.

Далее в рассматриваемой работе рассматриваются собственно результаты эмпирического исследования. Первая обследованная группа: старшеклассники. Реальное состояние экономических условий жизни в стране у 96% опрошенных старшеклассников порождает негативные эмоции. При этом намерения части респондентов, направленные на достижение экономического благополучия, носят откровенно *криминальный* характер. Здесь ведущим является мнение, что значительное богатство можно нажить только посредством нарушения законодательства.

Старшеклассники связывают свою судьбу также с государственными структурами, но весьма своеобразно: трудовую деятельность многие считают средством получения доступа к распределению материальных и духовных благ, которые находятся в ведении государства, в том числе и через участие в коррупционных сделках.

Это интересные и показательные результаты. Представляется, что на их основе можно было бы сделать вывод о том, что старшеклассники в существующих экономических условиях ищут стратегии *индивидуального выживания*, а не *развития на основе самореализации, повышения своего профессионального капитала* и т.п. Важно также, что при этом они ориентируются на достижение своих целей не в рамках формальных юридическо-правовых норм и правил, а в соответствии со своими представлениями о сложившихся в стране механизмах и способах достижения экономического благополучия. Однако, на данный момент автором эти данные осмыслены не в полной мере, и возможные выводы пока не сделаны.

Во второй обследованной группе, группе взрослого населения, в структуре представлений о коррупции выявлено *понимание вреда коррупции для страны*, но и одновременно *допустимость и готовность личного участия в неправовом и коррупционном поведении*. В этой группе интересно было бы рассмотреть различия в представлениях о коррупции у взрослых людей в возрасте старше 45-50 лет, т.е. людей, у которых система социальных ценностей и социальный опыт был сформирован в советское время, и более молодых людей, у которых личность была сформирована в постперестроечное время, в период после произошедшего в стране в 1990-е гг. культурного перелома. Хотелось бы, чтобы автор не упустил возможность такого сравнения, которое могло бы многое объяснить в психологических механизмах коррупции, присовокупив к анализу ценностный подход.

В целом, полученные в этой группе результаты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что люди находятся с государством не в партнерских, а, к сожалению, в противоборствующих отношениях.

Третий этап исследования проводился с участием респондентов-студентов. На основе применения проективных методик автор выявляет представления студентов о психологических особенностях коррупционера. По всем характеристикам коррупционер в этих представлениях выступает как резко отрицательный типаж. Вместе с тем, опрошенные студенты считают, что к ведущим социальным факторам коррупционного поведения личности относятся: наличие традиционно устоявшейся коррумпированной среды в государственных организациях, вынужденную необходимость следовать стереотипам коррупционного поведения или оказывать им сопротивление, зачастую с заранее предсказуемым неблагоприятным исходом для «несогласного». На этот результат, кажется, следовало бы обратить особое внимание, поскольку из него, как будет показано нами ниже, возможно предложить иной способ достижения *общей цели всего исследования*.

Здесь же следует добавить, что в методическую часть этого этапа исследования было бы целесообразно включить блок самооценки опрашиваемого по тем же шкалам, по которым они оценивали личность коррупционера. Можно предположить, что здесь его оценки не были бы такими же негативными, как оценки «коррупционера». Это предоставило бы хорошую возможность экспериментатору обсудить с опрашиваемым его интерпретацию такого возможного расхождения и получить соответствующую информацию для последующего анализа.

Если вернуться к заявленной *цели исследования* – выявлению психологического механизма формирования двойственного (противоречивого) отношения граждан к коррупции, то определить и проанализировать этот психологический механизм автор предлагает на основе анализа представлений

людей о коррупции через исследование структурных и содержательных характеристик представлений личности о социальных проявлениях коррупции. Такая цель выглядит как потенциально ориентированная на практику.

Какой вывод, объясняющий такое противоречивое отношение к коррупции, делает автор на основе проведенного исследования? Его логический вывод делается из соотношения, с одной стороны, определения коррупции и, с другой стороны, выявленных представлений граждан о коррупции. Определение коррупции, приведенное автором: под коррупцией понимается незаконное использование физическим лицом своего должностного положения *вопреки* законным интересам общества и государства (т.е. наличие ущерба третьей стороне). В то же время, автор на основе анализа ответов респондентов делает вывод, что они рассматривают коррупцию как двустороннее взаимодействие (взятодатель и взяточполучатель), без учета ущерба интересам общества и государства, хотя именно этот аспект переводит экономические преступления в разряд коррупционных. Это расхождение, по мнению автора, подтверждает *основную гипотезу исследования*.

Представляется, что на основе приведенных автором результатов эмпирических исследований следует дать другое объяснение противоречивого отношения опрошенных граждан к коррупции. Это объяснение можно дать, используя теоретические разработки в области культуры, точнее, организационной культуры.

В теории организационной культуры есть понятие *силы культуры* (Рюттингер, 1992; Рябов, 2001, 2012, 2016). *Сильная культура* характеризуется тем, что декларируемые организационные ценности совпадают с теми ценностями, которыми реально управляется организация. Если рассматривать государство как организационную систему, то, как пишут исследователи коррупции в России, «коррупционные стратегии существуют в рамках проведения соответствующей политики власти» (Журавлев, Соснин, 2013, с.

11), т.е. реально коррупция в государстве выступает организационной ценностью. Похожей точки зрения придерживается экономист Юрий Белоусов. В своей статье «Экономика России без коррупции просто рухнет», опубликованной в разделе «Мнение эксперта» на Официальном сайте Антикоррупционного комитета Свердловской области он пишет: «Экономика России без коррупции не сможет существовать, она просто рухнет. Коррупция создает хоть какой-то стимул к тому, чтобы что-то делалось, шевелилось». Своё утверждение экономист подтверждает несколькими типовыми примерами из сферы деловой жизни современной России (Белоусов, 2015).

Как следует из приведенных выше заявлений экспертов, реально существующая в настоящее время система управления экономикой в России содержит коррупционные схемы. Это мнение определенным образом совпало с системой представлений опрошенных людей. Люди могут считать, что, несмотря на громкие декларации властей о необходимости борьбы с коррупцией, в государственных институтах присутствует коррупционное взаимодействие.

Одновременно в системе представлений граждан коррупция выступает как зло, которое приводит к негативным экономическим, социальным и прочим последствиям. Это тоже было продемонстрировано в результатах проведенных исследований. Иными словами, система организационного управления может быть охарактеризована как слабая культура. А слабая культура, как это известно из теории и практики менеджмента, приводит к низкой организационной управляемости и прочим негативным эффектам (Рябов, 2001).

Слабая культура на уровне государства может, например, проявляться, в частности, в таких особенностях отношения гражданина к государству, как переживание социальной несправедливости, низкий уровень доверия граждан к представителям власти на всех уровнях и власти в целом и др.

Можно предположить, что такие представления могли бы выступить одной из причин того, что в массовом сознании произошло разделение таких понятий, как *государство*, с одной стороны, и *Родина, страна*, с другой (Грачев, 2018). Образ государства граждане связывают с руководством страны и властными институтами, а также с законами, которые, по их мнению, плохо работают и которые реально нарушаются самими же представителями властей. Одновременно образ страны, Родины, у них представлен в идеальной форме, в которой, естественно, нет места коррупции. А реально жить и работать надо гражданам именно в государстве, поэтому они вынуждены следовать существующим порядкам. Со страной граждане себя идентифицируют, а государство, представителями которого являются чиновники, выступает в каком-то смысле чуждой стороной, с которой надо не сотрудничать, а находить какие-то способы выживания рядом с ними. И это тоже отражено в полученных результатах исследования, т.е. могло бы стать основанием для интерпретации полученных результатов.

Если исходить из таких позиций, то можно сделать вывод полезный для практической работы. Воспитательная и разъяснительная работа среди граждан будет иметь низкую эффективность, поскольку в слабой культуре такие средства неэффективны. Для того, чтобы снять этот дуализм, необходимо сформировать сильную культуру управления государством, в основе которой должна лежать недопустимость коррупционного поведения на всех уровнях управления государством. Из теории и практики организационного управления известно, что формирование сильной культуры начинается с верхних уровней организационной иерархии и под непосредственным управлением высших руководителей внедрения желаемых ценностей культуры в практическую жизнь организации (Рябов, 2001). В противном случае борьба с коррупцией будет оставаться пустой декларацией. Одним словом, интерпретация ответов

могла бы быть более широкой, включать и иные варианты размышлений, хотя фактологическая база не вызывает нареканий.

В качестве пожеланий можно рекомендовать провести специальное исследование представлений граждан, целью которого была бы проверка высказанного предположения относительно силы и слабости культуры управления в России.

Помимо сказанного, в развитии темы интересно было бы провести экспериментальное исследование коррупционного взаимодействия на уровне обыденного поведения граждан в ситуациях, когда они вынуждены включаться в коррупционное взаимодействие. Методика такого исследования могла бы основываться, во-первых, на формировании перечня типовых ситуаций, в которых граждане включаются в межличностное коррупционное взаимодействие, и организации ролевой игры, моделирующей это взаимодействие. В основе формирования модели коррупционного взаимодействия можно предложить использовать концепцию *психологического контракта* (Ребрилова, 2008, 2015) и субъективного качества межличностного взаимодействия (Рябов, 2017б, 2018).

Понятие психологического контракта было введено в зарубежной практике организационного управления при анализе взаимодействия работника и организации. Правила этого взаимодействия зафиксированы в официальном трудовом договоре, однако, многие из требований, составляющих основу трудовых отношений, никогда не находят отражения в этом формальном договоре, поскольку представляют собой набор предположений о том, какими эти отношения должны быть в понимании работодателя и работника. В этой области и формируется то, что обозначают термином «психологический контракт». К сожалению, в отечественной организационной психологии и практической деятельности по управлению человеческими ресурсами этот конструкт, за исключением работ Е.С. Ребриловой, практически не

применяется. Анализ различных исследовательских точек зрения на понятие психологического контракта представлено в многочисленных работах Ребриловой (Ребрилова, 2008, 2009а, 2009б, 2010, 2015; Ребрилова, Оглезнева, 2008). Одни исследователи определяют психологический контракт как восприятие работником и работодателем того, в чем состоят их взаимные обязательства по отношению друг к другу. Другие исследователи считают, что психологический контракт – это невысказанные убеждения сотрудников, их ожидания, обещания и обязательства в отношении того, что составляет справедливый обмен в пределах трудовых отношений, или подразумеваемая эмоциональная связь между работодателем и работником, неофициально включающая в себя взаимные обязательства и ожидания.

Мы определяем *психологический контракт* как субъективное качество взаимодействия двух и более субъектов. При этом понятие «субъективное качество взаимодействия» рассматривается нами в рамках разрабатываемых нами концепций субъективного качества жизни и качества трудовой жизни (Ребрилова, 2016; Рябов, 2017а, 2017б, 2018). В этой интерпретации понятие психологического контракта может быть применено в более широком контексте, нежели управленческое взаимодействие, и применено к анализу любых типов взаимодействия. В этой связи мы полагаем, что концепция психологического контракта может быть использована при анализе коррупционного взаимодействия весьма продуктивно как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

И, подводя общий итог, можно заключить, что Д.А. Китова подняла чрезвычайно важную и актуальную проблему исследования психологических механизмов коррупционного взаимодействия, над решением которой работают специалисты в различных областях знания. Но именно раскрытие глубинной психологической природы возникновения этого явления может показать наиболее эффективные пути борьбы с этим негативным явлением нашей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белоусов Ю.* «Экономика России без коррупции просто рухнет». Официальный сайт Антикоррупционного комитета Свердловской области. URL: http://a-komitet.ru/ekspertnoe_mnenie/10008426/ (дата доступа: 30.04.15).
- Грачев А.А.* Отношение к Отечеству как проблема прикладной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 134-153. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document615.pdf> (дата доступа: 22.01.19).
- Журавлев А.Л., Соснин В.А.* Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8-24.
- Китова Д.А.* Представления о коррупции в сознании старшеклассников // Гуманизация образования. 2016а. № 6. С. 131-140.
- Китова Д.А.* Психологические аспекты отношения населения к коррупции // Вестник УРАО. 2016б. № 5. С. 91-97.
- Китова Д.А.* Отношение населения к коррупции и коррупционным правонарушениям: эмпирический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016в. Т. 1. № 4. С. 145-167. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document283.pdf> (дата обращения 14.11.2018).
- Климовицкий С.В., Карпова С.Г.* Методология измерения социально-психологических факторов коррупции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 206-222. URL: <http://soc-econom->

psychology.ru/engine/documents/document286.pdf (дата обращения 12.10.2018).

Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Ребрилова Е.С. Психологический контракт в организации: из истории становления понятия // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2008. № 4. С. 86-95.

Ребрилова Е.С., Оглезнева Н.В. Психологический контракт субъектов труда // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 6. С. 170-176.

Ребрилова Е.С. Психологический контракт как характеристика субъекта труда в контексте социальных условий производственной среды: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Тверь. 2009 (а).

Ребрилова Е.С. Структура и состояние психологического контракта субъектов труда с различным типом имплицитного соглашения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009 (б). № 98. С. 295-300.

Ребрилова Е.С. Типология психологического контракта. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2010. № 9. С. 40-53.

Ребрилова Е.С. Изменение психологического контракта субъектов труда в условиях современного рынка // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 500-508.

Ребрилова Е.С. Психологический контракт как показатель качества трудовой жизни субъектов труда в организации // Вестник Тверского

государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 2. С. 30-40.

Рюттингер Р. Культура предпринимательства: Пер. с нем. М.: ЭКОМ. 1992.

Рябов В.Б. Корпоративная культура как средство управления организацией // Материалы научной конференции «Психология управления в современной России». Тверь: Изд-во «Альба», 2001. С. 115-118.

Рябов В.Б. Качество трудовой жизни как концептуальная основа психологического обеспечения систем Всеобщего Управления Качеством // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 162-186. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document221.pdf> (дата доступа: 15.01.19).

Рябов В.Б. Типология психологического контракта на основе модели субъективного качества жизни // Наука. Культура. Общество. 2017 (а). № 2. С. 56-65.

Рябов В.Б. Психологический контракт как субъективное качество управленческого взаимодействия. // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017б. Т. 2. № 3 (7). С. 165-191. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document376.pdf> (дата доступа: 10.01.19).

Рябов В.Б. Теоретические основания психологического контракта как субъективного качества взаимодействия // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2018. № 1 (86). С. 27-32.

Соснин В.А., Китова Д.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3. С. 6-38. URL: <http://soc->

econom-psychology.ru/engine/documents/document370.pdf (дата доступа 10.01.19).

Социально-психологические исследования коррупции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А. Соснин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические факторы коррупции // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 63-71.

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Belousov Yu. «Ehkonomika Rossii bez korrupcii prosto ruhnet». Oficial'nyj sajt Antikorrupcionnogo komiteta Sverdlovskoj oblasti. URL: http://a-komitet.ru/ekspertnoe_mnenie/10008426/ (data dostupa: 06.02.19)

Grachev A.A. Otnoshenie k otechestvu kak problema prikladnoj psihologii // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2018. T. 3. № 2 (10). S. 134-153. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document615.pdf> (data dostupa: 22.01.19)

Popov G.H. O korrupcii v postindustrial'nom obshchestve // Nauka i zhizn'. 2010. № 3. S. 32-33.

Zhuravlev A.L., Sosnin V.A. Fenomen korrupcii v Rossii kak sociopoliticheskaya i psihologicheskaya problema // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2013. №2. S. 8-24.

Kitova D.A. Predstavleniya o korrupcii v soznanii starsheklassnikov // Gumanizaciya obrazovaniya. 2016a. № 6. S. 131-140.

Kitova D.A. Psihologicheskie aspekty otnosheniya naseleniya k korrupcii // Vestnik URAO. 2016b. № 5. S. 91-97.

Kitova D.A. Otnoshenie naseleniya k korrupcii i korrupcionnym pravonarusheniyam: ehmpiricheskij analiz // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2016v. T. 1. № 4. S. 145-167.

URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document283.pdf>
(data obrashcheniya 14.11.2018).

Klimovickij S.V., Karepova S.G. Metodologiya izmereniya social'no-psihologicheskikh faktorov korrupcii // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2016. T. 1. № 4. S. 206-222. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document286.pdf> (data obrashcheniya 12.10.2018).

Problemy social'nyh konfliktov v sovremennoj psihologii: sushchnost', determinanty, regulirovanie. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018.

Rebrilova E.S. Psihologicheskij kontrakt v organizacii: iz istorii stanovleniya ponyatiya // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya. 2008. № 4. S. 86-95.

Rebrilova E.S., Oglezneva N.V. Psihologicheskij kontrakt sub"ektov truda // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika. 2008. T. 14. № 6. S. 170-176.

Rebrilova E.S. Psihologicheskij kontrakt kak harakteristika sub"ekta truda v kontekste social'nyh uslovij proizvodstvennoj sredy: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Tver'. 2009 (a).

Rebrilova E.S. Struktura i sostoyanie psihologicheskogo kontrakta sub"ektov truda s razlichnym tipom implicitnogo soglasheniya // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009 (b). № 98. S. 295-300.

Rebrilova E.S. Tipologiya psihologicheskogo kontrakta. // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya. 2010. № 9. S. 40-53.

Rebrilova E.S. Izmenenie psihologicheskogo kontrakta sub"ektov truda v usloviyah sovremennogo rynka // Sovremennye tendencii razvitiya psihologii truda i

organizacionnoj psihologii. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2015. S. 500-508.

Rebrilova E.S. Psihologicheskij kontrakt kak pokazatel' kachestva trudovoj zhizni sub"ektov truda v organizacii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psihologiya. 2016. № 2. S. 30-40.

Ryuttinger R. Kul'tura predprinimatel'stva: Per. s nem. M.: EHKOM. 1992.

Ryabov V.B. Korporativnaya kul'tura kak sredstvo upravleniya organizaciej // Materialy nauchnoj konferencii «Psihologiya upravleniya v sovremennoj Rossii». Tver': Izd-vo «Al'ba», 2001. S. 115-118.

Ryabov V.B. Kachestvo trudovoj zhizni kak konceptual'naya osnova psihologicheskogo obespecheniya sistem Vseobshchego Upravleniya Kachestvom // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2016. T. 1. № 2. S. 162-186. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document221.pdf> (data dostupa: 15.01.19).

Ryabov V.B. Tipologiya psihologicheskogo kontrakta na osnove modeli sub"ektivnogo kachestva zhizni // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. 2017 (a). № 2. S. 56-65.

Ryabov V.B. Psihologicheskij kontrakt kak sub"ektivnoe kachestvo upravlencheskogo vzaimodejstviya. // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2017 (b). T. 2. № 3 (7). S. 165-191. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document376.pdf> (data dostupa: 10.01.19).

Ryabov V.B. Teoreticheskie osnovaniya psihologicheskogo kontrakta kak sub"ektivnogo kachestva vzaimodejstviya // Chelovecheskij faktor: problemy psihologii i ehrgonomiki. 2018. № 1 (86). S. 27-32.

Sosnin V.A., Kitova D.A., Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Korrupciya kak ob"ekt social'no-psihologicheskikh issledovanij: sostoyanie i perspektivy // Institut

psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2017. T. 2. № 3. S. 6-38. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document370.pdf> (data dostupa: 10.01.19).

Social'no-psihologicheskie issledovaniya korrupcii / Otv. red. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova, V.A. Sosnin. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2017.

Yurevich A.V., Zhuravlev A.L. Psihologicheskie faktory korrupcii // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. № 7. S. 63-71.

THE PSYCHOLOGY OF CORRUPTION AS A PROMISING NEW DIRECTION IN THE DOMESTIC PSYCHOLOGICAL SCIENCE**

V.B. Ryabov*

*Ph.D. (technics), senior research officer, laboratory of labor psychology, ergonomics, engineering and organizational psychology, FSFES Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 13-1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: v.ryabov@aog.ru

Summary. The paper by D.A. Kitova "Implicit beliefs of young people about social corruption," presented in the seminar report of IP RAS "Current directions of psychological research" January 21, 2019, discussed. Noted that the author analyzes the psychological mechanism of the dual attitude of citizens of Russia to corruption, which is that most of the population continue to be included in the corruption relationship despite their negative view to this kind of crime as a social phenomenon. The study based on the analysis of the perceptions of different groups of the population about corruption. The empirical research conducted in three stages. At the first stage, the factors of psychological readiness of high school students for economic self-realization studied, at the second stage, pilot studies of corruption among students of Moscow universities conducted, and at the third stage, the structures of concepts of the economic life of the adult population studied. Critically analyzes of the methodological approaches to the organization and conduct of the research and proposes to improve them done in this paper. Noted that the author concludes that the

** This research was fulfilled in accordance with the State assignments № 0159-2018-0007.

В.Б. Рябов

Психология коррупции как новое перспективное направление в отечественной психологической науке

dual attitude of the population to corruption determined by the fact that people do not attach importance to the fact that corruption is harmful to the state. We criticize this conclusion and indicate the need for further work in the stated direction. Proposed to use such concepts as the strength of organizational culture, psychological contract and the subjective quality of interpersonal business interaction as a conceptual basis for further work.

Keywords: corruption, ideas about corruption, economic well-being, the power of culture, psychological contract, subjective quality of interaction.